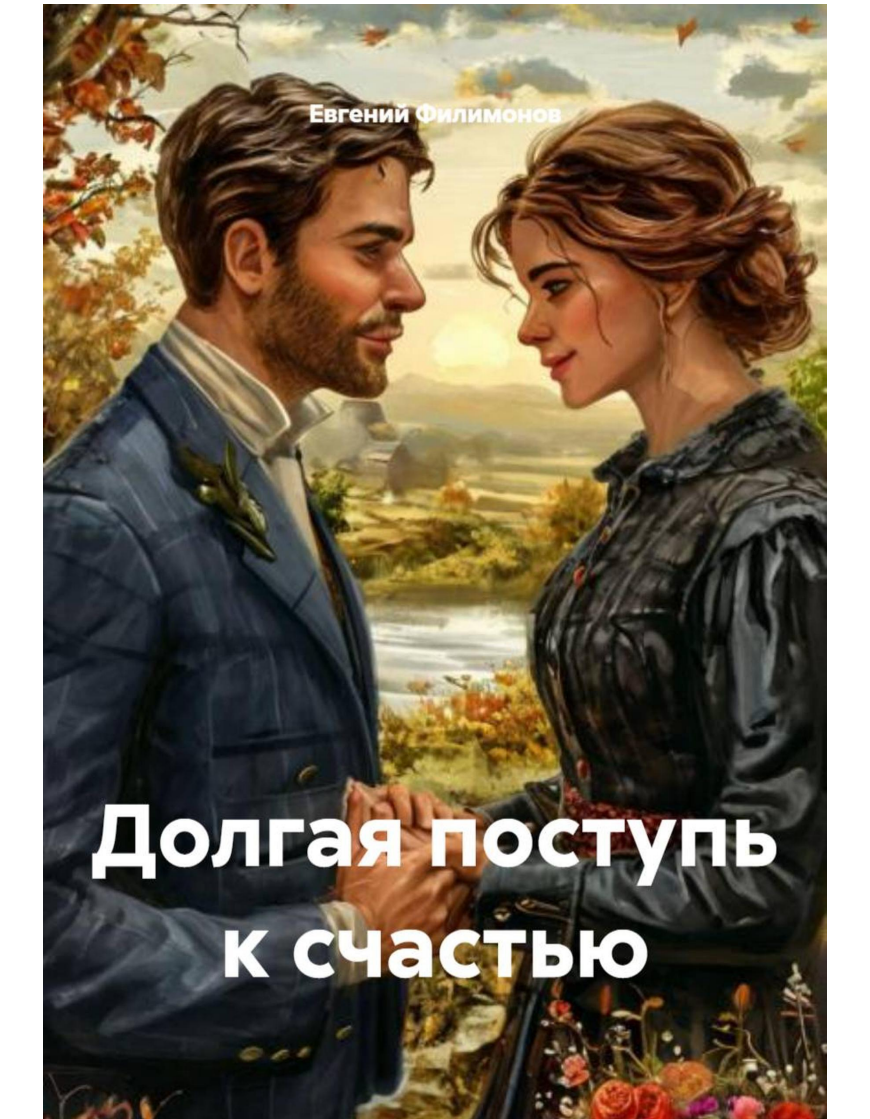

Евгений Филимонов

Долгая поступь к счастью

Евгений Александрович Филимонов

Долгая поступь к счастью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72987697

SelfPub; 2025

Аннотация

В первой части жизнь и несчастная любовь Мариши. Во второй части жизнь и несчастная любовь Степана. В третьей части принудительное сватовство разочарованных в жизни Мариши и Степана, которое со временем преобразуется в настоящую верную любовь.

В книге много юмора, весёлых случаев, героических поступков и приключений. Главным сюжетом является история зарождения надёжной человеческой любви.

Содержание

Часть первая	4
Мариша	4
Буза	5
Хищение	9
Досада	14
Сострадание	17
Госпожа Война	20
Расправа	28
Навстречу гибели	31
Ампутация	34
Грустный плач	37
Кража питомца	45
Признание	50
Новое знакомство	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Евгений Филимонов

Долгая поступь к счастью

Часть первая

Мариша

Счастье – всем дарить добро!
На тропе, порой, тернистой.
Не пускайте в сердце зло
Пусть надежда будет чистой!

Е.А. Филимонов

Буза

Иногда минутную удачу принимают за счастье: нашёл кошелёк, поймал рыбу, случайно выиграл. Но истинное счастье, которое живёт только рядом с тружеником, – это дарить людям радость.

Алексей Петрович Вишняков своим трудом создал коневодческую ферму, которая значилась в организации «Кооперация труда» в деревне Рыково Пензенской губернии. Построил дом, и семья его познала радость жизненного счастья. Работу свою он любил, поэтому приносила она ему неплохой доход. Часто мечтал о сыне, чтобы передать ему своё дело и научить всем навыкам управления хозяйством. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Об этом даже написано в Священном Писании: «Много замыслов в

сердце человека, но состоится только определённый Господом».

Родилась дочь, потом вторая и пришлось ему обучать их коневодческому делу. Старшая дочь прохладно относилась к порученным делам, а вот младшая, Мариша, с удовольствием вникала в отцовское занятие. Алексей Петрович старался привить ей необходимые качества для достижения поставленной цели – решимость и настойчивость. Мариша легко усвоила эту науку, которая твёрдо закрепилась в её характере. Иногда она, защищая своих подруг, дралась с мальчишками, случалось, давала хлёсткие характеристики негодяям, а порой даже дерзила взрослым. За всё это получила прозвище «Буза».

Своей школы в деревне не было, поэтому ребята ходили за четыре версты учиться в районный посёлок Балкашино. Неожданное событие изменило отношение к ней одноклассников.

Однажды после школы рыковская ребятня с весёлым го-моном высыпала на широкую улицу и направилась в родную деревню. Зима тогда выдалась тёплая и снежная. Огромные сугробы за околлицей и на полях радовали крестьян, предвещая хороший урожай. Белые шапки на деревьях и на крышах домов дополняли деревенский пейзаж сказочным волшебством.

В том месте, где дорога шла через небольшой перелесок, мальчишки начали бросать в девчонок снежки. Те, защища-

ясь, отвечали тем же способом. Завязалась безобидная радостная баталия. Ребята всё ближе и ближе приближались к девочкам. И, наконец, подойдя вплотную, стали толкать их в сугроб. Но подружки бойко сопротивлялись, а некоторые и вовсе переходили в наступление и валили соперника в снег.

На Маришу неожиданно налетел здоровяк Пашка Дымов и повалил в сугроб. Поначалу забавная игра радовала их, но мальчишка начал пытаться поцеловать девочку. Она долго сопротивлялась, отталкивала толстяка, кричала, чтобы он отстал, но ничего не помогало. Тогда она кулаком со всей девичей силы заехала ему в ухо, а другой рукой угодила в глаз. Пашка сразу сник и свалился на бок, схватил горсть снега и стал прикладывать к ушибленному глазу. Баталия продолжалась, и почти никто казусного происшествия не заметил. Мариша встала, отряхнулась, обиженно кинула толстяку: «Дурак» и пошла не спеша в сторону дома. Ватаге битва надоела и все, весело смеясь и громко разговаривая, направились за ней.

На следующий день Павел пришёл в школу с синяком под глазом. Ребята стали смеяться над бедолагой.

– Где купил фонарь, Пашка?

– Светло стало, как в божий день!

Он молча сел за парту, открыл учебник, опустил голову и, насупившись, уставился в страницу.

Прозвенел звонок, вошла учительница в голубом платье с задумчивым лицом, и все встали. Увидев Павла, она всплес-

нула руками, улыбнулась и удивлённо произнесла:

– И где это, Паша, тебя угораздило? Садитесь ребята.

Пашка покосился на Маришу, но промолчал. Кто-то из ребят крикнул:

– Это ему Буза влепила.

Мариша гордо подняла голову, отбросила назад косички и громко сказала:

– Пусть не пристаёт!

Учительница всё поняла и назидательно проговорила:

– Драться, конечно, нехорошо, но и обижать девочек нельзя. – Глубоко вздохнув, добавила: – А теперь помиритесь.

В классе стояла тишина, и никто не двинулся с места. Учительница настойчиво повторила

– Помиритесь, помиритесь, ...ведь вам много лет предстоит учиться вместе в одном классе. Дружба, как стекло: разобьёшь – не сложишь.

Тогда Мариша смело подошла к Павлику и, молча протянула руку. Тот, слегка улыбаясь, пожал её и снова устался в учебник. Ребята захлопали в ладоши, и послышалось радостное: «Ура!»

– Начнём занятие, – спокойно поставила точку учительница.

С тех пор вся школа знала, что Маришку обижать нельзя, иначе можно получить оплеуху. Девочки восхищались своей подругой и пытались с ней дружить. Мальчишки старались обходить её стороной. Но она обладала лёгким характером и,

не стесняясь, заводила дружбу с любым хорошим человеком.

Хищение

Как-то по весне Алексей Петрович задумал в углу приусадебного участка разбить грушевый сад. И не предполагал он, что затея эта принесёт ему семейные неприятности.

Утром воскресного дня, взяв с собой помощника Макара, направился Петрович на конной повозке в Балкашино за саженцами.

Стояла ясная солнечная погода. Мощный конь по кличке Гром, не спеша тянул повозку по сырой чернозёмной дороге. Весна в тот год началась дружно. Всё вокруг радовало: берёзы, птицы, трава, ручьи. В воздухе пахло свежей землёй. Вот он чудесный мир!

Макар сидел на телеге, держа вожжи, и, щурясь, смотрел на зеленеющее поле. Петрович развалился на пахучем сене телеги и бездумно глядел на плывущие высоко в небе причудливые узоры облаков. Мысли сами по себе текли легко и свободно, а были они о будущем дочерей, о своём хозяйстве и прочих бытовых проблемах.

На рынке в Балкашино они закупили саженцы «Дюшеса» летнего и «Вильямса». В тот же день высадили их в подготовленном месте участка и стали ухаживать за ними из года в год. Через три года сад начал давать плоды.

В конце каждого августа семья Вишняковых собирала бо-

гатый урожай для дальнейшей заготовки на зиму варенья, консервов, компотов. Делали сгущёнку, пекли пироги и многое другое.

И вот однажды в конце лета произошёл загадочный случай, который возмутил Алексея Петровича до глубины души: он обнаружил в саду чужие следы и отсутствие груш на нижних ветках деревьев. Кто-то, значит, лазит в сад за грушами.

Решил тогда Алексей поймать вора и проучить. Стал он поздними вечерами вместе с Макаром, спрятавшись за кустами малины, поджидать наглого воришку.

И вдруг на второй вечер они заметили, как в заборе напротив отодвигается доска и, озираясь, в сад заходит невысокий парнишка в чёрной кепке. За ним появился другой – покрупней.

– Дождёмся всех, – шепнул Петрович.

Тем же способом из дыры выскользнул третий. Четвёртый высунул голову и замер, осматривая сад то справа, то слева. Видимо, он был поставлен сторожить. Двое последних ребят, не отходя далеко от дыры, начали выискивать груши на ближних деревьях, а первый хляк нагло начал рвать груши в глубине сада.

– Вперёд, – скомандовал Алексей.

Но только они сделали шаг, как вдруг раздался крик:

– Шуба!

Это было предупреждение вора́м о приближении сторожа. Ближние к дыре пацаны ломанулись туда, с трудом протискиваясь наружу, а первый, видя, что спасительное отверстие занято, заметался по саду, ища другой выход. Вдруг он увидел, что к нему бежит Петрович.

В этом случае ему ничего не оставалось, как ринуться к дому. «Ну, теперь ты никуда не уйдёшь!» – подумал Алексей и не спеша направился вслед за вора́м. Перед входом в дом он осмотрел сени, прихожую, кладовку, но ничего не обнаружил. Мелькнула мысль: «Убежал...». Обескураженный он вошёл в дом, рассеянно посмотрел на жену.

– К нам никто не заходил?

– Нет, Лёш, никто. Что-нибудь случилось?

В ответ он махнул рукой и вошёл в светлицу. Присел на стул, немного подумал, вздохнул и решил, на всякий случай, заглянуть в девичью комнату. Старшая, Светка, сидела на

кресле, поджав ноги, и читала какую-то книгу. Маришка сидела за столом, спиной к отцу и что-то писала, очевидно, готовила уроки. Петрович хотел было закрыть дверь, но взгляд его вдруг привлекла кепка, лежащая под столом у ног Мариши.

Его, как жаром обдало, он всё понял. Поднял вещественное доказательство и зло спросил Маришку:

– Это что? – у него появилось желание отхлестать Маришку этой кепкой, но Алексей взял себя в руки и строго спросил:

– Тебе что в доме груш не хватает? Разве я тебе запрещаю их рвать? Зачем лезть через дыру в заборе? Заходи нормально через калитку и рви сколько душе угодно. Объясни.

На глазах дочери появились слёзы и она прошептала:

– Так не интересно. Прости, папа. Я больше не буду.

– Ещё бы, – так же строго произнёс отец.

– В нашей деревне все пацаны и девчонки лазают по садам. Это считается храбростью, а кто не лазает – тот трус. Но я не хочу лазать по чужим садам, вот и придумала залезть в наш сад.

– И кто же с тобой был?

Мариша насупилась, отвернулась и, молча, уставилась в открытую тетрадь.

– Не хочешь выдавать друзей, я тебя понимаю. Скоро придёт Макар и приведёт одного твоего пойманного друга.

Как по заказу в дверь постучали.

– Открыто, – сказал уже успокоенный Алексей.

Вошёл с озадаченным видом Макар.

– Поймал? – спросил его Петрович.

– Поймал, да он меня укусил, вырвался и убежал.

Мариша отвернулась и тихо хихикнула.

– Ну, ничего, отольются кошке мышкины слёзки, – улыбаясь, усмехнулся Алексей и добавил: – ты представляешь, моя дочь залезла с друзьями в свой сад!

– Хорошо, что не было милиции, – буркнул Макар.

– Вот послушай, что умный человек говорит, – подхватил Алексей. – Любой хозяин ограбленного сада может написать заявление в милицию, и тогда этим делом займутся сыщики. Лазутчику тогда несдобровать. Припаяют статью «воровство», и грозит ему тюрьма или большой штраф. Ты пойми, – обратился он к Марише, – это не баловство, а криминальное воровство.

– Я всё поняла, папочка. Прости, это больше не повторится.

– И предупреди друзей об уголовной ответственности! – Алексей, улыбаясь, дал лёгкую затрещину дочери и ласково добавил: – Разбойница.

Досада

Вскоре в деревню Рыково пришла страшная весть: началась Германская война (так называли сначала Первую ми-

ровую). Мобилизация военнообязанных крестьян началась в разгар сенокоса. В дальнейшем положение в деревне стремительно ухудшалось. Для фронта требовалось большое количество лошадей, поэтому Алексей, как их поставщик, был освобождён от мобилизации и получил бронь.

В то тревожное время велел он младшей дочери привести пару мешков муки из мельницы. Мариша не раз ездила на повозке по разным делам, но запрягала лошадь, из-за небольшого роста, с помощью Макара – управляющего делами коневодческого хозяйства. Перед тем как ехать, она что-то пошептала любимой Звёздочке, уселась на телегу и тронулась в путь. Дорога шла по мосту через речку Большой Чембар, дальше мимо подножья горы Крутуши выходила на чернозёмное раздолье.

Здесь Мариша задумалась о страшной войне, представила себе трагические события, дойди они до её деревни. Её охватила досада на невозможность прекратить нависшую беду. Мариша встала на телеге, взмахнула вожжами и зло закричала на Звёздочку, та бросилась в галоп, да так, что ошмётки земли из-под копыт полетели прямо на телегу.

Ветер трепал широкое платье Мариши, косички, как две ленточки бескозырки, взвились за её спиной. Её обида на беспомощность вылилась в окрики на Звёздочку. Прохлада встречного потока воздуха охладила разгорячённое тело, но наездница всё кричала и размахивала вожжами. Замелькали придорожные кусты, за повозкой поднялся столб пы-

ли и только облака на голубом небе, будто замерли от ужаса. Но долго это не продолжалось. Телега колесом налетела на рытвину, и её так трянуло, что Мариша слетела в придорожную траву, ободрав все руки и ноги. Хорошо лицо осталось невредимым. Звездочка, почувствовав свободу, спокойно побрела вдоль дороги, пощипывая траву.

Пришлось Марише развернуть повозку к речке, привести себя там в порядок и продолжить путь к мельнице. Выполнив поручение отца, она одела кофточку с длинными рукавами и долгополую юбку, но мама заметила перемены в одежде дочери, и Мариша вынуждена была во всём признаться. Упрёков не последовало, мама тяжело вздохнула и стала лечить болячки своей непутёвой, но любимой дочери ранозаживляющими мазями.

Как известно, природу не проведёшь, поэтому порой просыпались в характере Мариши чисто женские качества доброты, сострадания, восприятия красоты и гармонии. Иногда она уходила к подножию Крутуши, где на лугу росли душистые цветы и густая трава. Нарвав ромашек, садилась и плела веночки, любуясь быстрыми водами речки, огромным бездонным небом и красотой окружающей природы. При этом она улыбалась и негромко напевала русские народные песни.

Такие часы отдыха редко выпадали в её повседневных заботах. Отец позади дома, за околицей, имел обширный загон и конюшню, где и занимался своим предпринимательством. Дочке он доверял ответственные поручения, зная, что она

никогда не подведёт. Мариша и матери с охотой помогала, стараясь перенять кулинарный опыт, поддерживать чистоту в доме, ухаживать за скотиной и работать в огороде. Благо старшая сестра была хорошей наставницей и помощницей в любом деле. При работе Мариша тихо напевала различные песенки, которые услышав где-то, легко их запоминала. Недавно у неё появилась мечта стать докторшей, а возникло это желание после печального случая, участницей которого она стала.

Сострадание

Как-то, работая в огороде возле амбара, под крышей которого виднелись ласточкины гнёзда, она вдруг увидела, как эти красивые птички, стали низко летать над землёй и тревожно чирикать. Мариша почувствовала что-то неладное и быстро подошла к этому месту. Там в траве, пытаясь подняться, бился птенец, и к нему бесшумно кралась кошка. Мариша тут же отогнала её и взяла птенца на руки. Ласточки сразу разлетелись по своим делам, и лишь одна села на крышу и стала тревожно щебетать. Одно крыло птенца было прижато к тельцу, а другое распустилось в сторону, явно раненое. Сердце девочки сжалось от сострадания, и она дала себе слово, во чтобы-то ни стало, вылечить птенчика.

Вспомнив, как лечила её болячки мама, решила действовать примерно также. Обработала рану перекисью водорода,

аккуратно прижала больное крылышко к туловищу и перевязала бинтом. Положила птенчика в плетёное лукошко, постелив на дно мягкую тряпку. Затем вынесла его к тому месту, где сидела ласточка и подняла над головой. Та, что-то чирикнув, сделала круг над птенцом и юркнула в своё гнёздышко, там, должно быть, жили и другие птенцы. Мариша решила посоветоваться с мамой, как лечить, чем кормить птенца, на что она ответила:

– Это не простое дело, доченька. По незнанию можно только навредить. Сходи к соседке тёте Зине Дымовой, она работала медсестрой в городском госпитале, авось чё подскажет.

Но встречаться с её сыном Павлом, после злополучного случая зимой, Марише не хотелось. Он хоть и был толстяком-тюфяком, но никогда не дразнился, не язвил и умел хранить тайну. Подумав немного, она решила всё-таки сходить к его маме.

Дверь во двор была открыта. Войдя, Мариша удивилась множеству лежащих у забора спортивных снарядов, среди которых были штанги, гири, гантели, старые утюги и прочие тяжёлые предметы. В сенях она обратила внимание на турник, рядом с которым лежал эспандер.

В прихожей её встретил Павел.

– Маманя на огороде. Сейчас придёт, – ответил он на вопрос Мариши. – Если хочешь, посмотри пока книжки.

Она подошла к книжному шкафу и с удивлением спроси-

ла:

– Как много у тебя военных исторических книг, ты увлекаешься боевыми делами?

– Не увлекаюсь, но интересуюсь.

– А нет ли у тебя книжки о птицах?

– Есть, – сказал он уверенно, достал её и протянул Марише: – Вот.

На книге крупными буквами было написано: «ПТИЦЫ».

– Как здорово! Спасибо, – весело сказала она и добавила: – Ты настоящий друг.

Пашка слегка покраснел и прошептал:

– Пустяки...

Вошла мама Павлика.

– Ого, у нас гости. Давайте пить чай!

– Спасибо, тётя Зина, я на минутку. Дело в том...

и она рассказала о птенце.

– Может, вы посоветуете, как лечить, чем кормить его?

– Я, дочка, лечила людей, а в этом деле не помощник. –

Подумав немного добавила: – Сходи-ка ты к бабушке Матрёне, она много чего знает и лечит всех настоями из трав.

– Хороший совет! Я так и сделаю, – радостно воскликнула Мариша. – До свидания!

Выйдя на улицу, без промедления направилась к знахарке, которая жила на окраине деревни. Баба Матрёна осмотрела птенца и посоветовала поставить рядом с птицей блюдечко с водой и кормить насекомыми: сверчками, таракана-

ми или муравьиными яйцами.

– А лучше всего, – добавила она, – оставила бы ты ласточку у меня. Я вылечу её лучше тебя, а когда она окрепнет, отпущу её с богом.

Мариша так и сделала и, поблагодарив бабушку, довольная отправилась домой.

Госпожа Война

Отец Павла Дымова, Григорий Семёнович, – крепкий, высокий мужчина – был призван на фронт в начале войны. Через год его жена Зинаида прочла в газетном списке погибших фамилию своего мужа. Поначалу она не поверила в трагическую весть – подумала, что это ошибка. Но тревожное чувство долго не покидало её. И окончательно убедилась в потере любимого человека, когда пришёл уездный воинский начальник и сказал, что Дымов Григорий Семёнович погиб в Польше под городом Новогеоргиевском. Ей стало плохо. Почувствовав слабость, она опустилась на стул возле стола и уронила голову на руки. Начальник попросил подписать бумагу и поспешил выйти.

Долго Зинаида не находила себе места в опустевшем доме. Здоровье её пошатнулось, в волосах появились седые пряди. Но через пару месяцев пришло письмо от мужа, и в нём говорилось, что он жив, здоров и скоро приедет, но без ноги. «Расскажу всё потом...», – писал он. Сначала Зинаида была

на седьмом небе от такого чуда. И вдруг её взяло сомнение: может быть письмо написано до смерти мужа? Но прочитав дату на штемпеле, заплакала и на радостях стала целовать сына, приговаривая: «Папаня жив,... Папаня жив...»

Через месяц пришёл домой на костылях Григорий. Эта весть облетела всю деревню. Зинаида на улице у палисада поставила стол и накрыла чистой скатертью. Был во время войны запрет на спиртное, поэтому на столе стояла хорошая закуска, самовар и различные напитки. Гости за столом с пониманием дела незаметно наливали чистый самогон и пили, изображая чаепитие. Потом стали спрашивать, Григория, не встречал ли он односельчан на фронте. Просили рассказать о боях и многое другое. Слушали рассказы фронтовика очень внимательно. И, конечно, всех интересовало «воскресение» его из мёртвых.

Григорий подумал немного, улыбнулся задумчиво и начал свой удивительный рассказ:

– Повидал я на войне, конечно, много страшного. Взять хотя бы самое начало моего призыва. Привезли нас на железнодорожную станцию Кольшлей, где стоял санитарный поезд. Вдоль вагонов прогуливались раненные солдаты: кто с повязкой на голове, кто с перевязанной рукой, кто с клюшкой, кто с костылями. Но меня поразила неприятная сцена у товарного вагона: я увидел, как из него выгружали гробы и помещали их на повозки, стоящие рядом. Тут же ощутил непреодолимый страх за свою жизнь. У вагона, напротив ко-

торого я сидел, вдруг появился солдат с клюшкой. Я ещё подумал: «из-под вагона, похоже, вылез». Он подошёл ко мне и, держа во рту сигарку, спросил женским голосом:

– Дружище, огоньку не найдётся?

Я окинул взглядом фигуру и понял, что передо мной женщина. Одета она была, как и все солдаты: на голове фуражка с козырьком, гимнастёрка с погонами, перетянутая в талии ремнём, на ногах обмотки и ботинки. На груди её красовался крест Святого Георгия. Протягивая спички, я посмотрел на неё с удивлением. Она уловила мой взгляд.

– Да, я женщина, – произнесла она с улыбкой, но глаза её выражали холодную отрешённость. – А ты, видимо, испугался за свою жизнь при виде гробов?

«Откуда ей известны мои мысли?» – подумал я. А она, не дожидаясь ответа, продолжила:

– Вот отгадай загадку: о чём человек никогда не узнает?

Тут Григорий посмотрел на притихших односельчан и спросил:

– А вы знаете?

Сидящий за столом кудрявый мужчина усмехнулся и общил:

– Ясно, как божий день, муж никогда не узнает об измене жены.

– Нет! – уточнил фронтовик, – какая то доля, пусть малая, но есть, что тайна откроется. А она спросила: «Никогда-никогда не узнает».

Кто-то поинтересовался: «Ну, и что эта баба ответила? Не тяни резину».

– Я, конечно, сказал, что не знаю, а она ответила: «Человек никогда не узнает, что он умер!»

За столом наступила тишина. Послышались негромкие возгласы: «Верно. Сущая правда»

А Григорий продолжил:

– Потом она неторопливо затянулась сигаркой, выпустила серый дым и произнесла: «Мне непонятно, почему людей тревожит тот факт, что их после смерти не будет, а то, что и до рождения их не было, не волнует? Ну, да ладно, просто не надо пугаться за свою жизнь. Это только расшатывает здоровье. На фронте к смертям товарищей привыкнешь, а о своей никогда не узнаешь. У войны ведь свои законы: каждый воин должен отдать ей или часть тела, или здоровье, или мировоззрение, или жизнь. Боец должен усвоить это, как неизбежность, и продолжать своё мракобесное дело.

Она сверкнула своими чёрными очами и, показалось мне, беспричинно захохотала. Выпустив с удовольствием дым, посмотрела на меня каким-то морщинистым старческим взглядом.

Молчать было неудобно, и я спросил:

– А вы откуда прибыли?

Она глубоко вздохнула и тихо ответила:

– С северо-западного фронта. Крепость Ковно слышал?

– Нет.

– Много там наших полегло. Полгода назад пошла добровольцем. Воюю наравне с мужчинами. Вот отморозила ногу. Отрезали полстопы, оставили одну пятку. – И она широко улыбнулась, обнажив жёлтые прокуренные зубы.

– Побегу, если можно так сказать хромой, а то поезд уйдёт. Удачи тебе, парень. – Развернулась и поковыляла к вагону.

Я долго смотрел ей вслед, но перед вагоном её фигура вдруг исчезла. «Опять не заметил, как нырнула под вагон», – подумалось мне. Рядом со мной сидел молодой парень, тоже призывник. Я задумчиво произнёс:

– Какая-то странная.

– Кто?

– Ну, та, которая подходила.

– Куда?

– К нам. Ты что, не видел?

Он недоумённо посмотрел на меня и сухо ответил:

– Нет.

– Спал что ли?

– Нет, это ты дремал, – обиженно буркнул он, а потом добавил: – Что человеку чудится, то и видится.

Я растерялся, не зная, что ответить и пробормотал:

– Может быть...

Прозвучал отправной гудок, и санитарный поезд тронулся, а через четверть часа подошёл наш. Я разместился в крайнем ряду вагона. Сопровождающий нас пожилой ефрейтор закончил переключку и уселся рядом со мной. Я был старше остальных призывников, поэтому мы с ним нашли общий язык и разговорились о житье-бытье. Дорога была дальняя. Пришло время перекусить. Михалыч вынул свой паёк и бутылку спрятанного самогона. Я достал свою закуску, и беседа стала ещё оживлённее. У меня из головы не выходила странная солдатка, и я решился спросить о ней собеседника.

Выслушав меня, ефрейтор спросил:

– Она была с клюшкой?

– Да.

– Курила?

– Да.

– Это была госпожа Война. Она ко многим подходит и объясняет свои законы. Те, кто видел её, не говорят о встрече, думают, что это им привиделось или приснилось. Некоторые, чтобы их не приняли за сумасшедших, вообще помалкивают.

Чтобы развеять свои сомнения, я спросил:

– Парень, который сидел рядом со мной, её не видел, как же так?

– Видит госпожу только тот, с кем она разговаривает. Если ты пожмёшь на прощание её руку, то ничего не почувству-

есть – её нет!

– Это, наверно, какое-то предзнаменование.

– Так оно и есть. Придётся тебе выполнить её закон.

– Но ведь есть люди, которые приходят с войны невредимые и здоровые.

Михалыч усмехнулся в свои седые усы и тихо проговорил:

– Ты не все законы Войны понял. Она тебе говорила о мировоззрении?

– Да.

– Ну, вот. Она отнимает у человека прежнее убеждение. После войны поймёшь это, если жив останешься.

У меня вдруг возник каверзный вопрос, и я отважился его задать.

– Если ты видел госпожу Войну, то должен выполнить её закон, а по тебе что-то не видно.

Я думал, что ефрейтор растеряется и сознается в том, что это вымысел, но он не мешкая серьёзно ответил:

– Вот это самое мировоззрение отняла у меня война. Я понял, где ложь, а где правда, где ложный патриотизм, а где действительный, и другие убеждения у меня изменились.

Он задумчиво посмотрел в окно, потом как-то оживился и сказал:

– Уже темно. Давай спать.

Я долго не мог заснуть, старался разобраться в необычных событиях. Наконец, сморился мрачными сновидениями и впал в забытие. Утром встал с хорошим настроением.

ем. Вспомнил вчерашние заблуждения, усмехнулся, и жизнь снова стала прежней – радостной и счастливой.

Расправа

Григорий налил себе рюмочку вожаденной запретной наливочки и, выпив, продолжил рассказ о своих злоключениях:

– Не буду вдаваться в подробности моих передвижений до отправления на фронт, скажу только, что в июле на базе сорок пятой дивизии начала формироваться восьмидесятая, полностью состоящая из пензяков. Я попал в триста двадцатый Чембарский пехотный полк. В августе нас направили на Юго-Западный фронт под город Люблин, близ реки Висла, где начались мои драматические, но удачливые события.

В нашем полку находился негласный склад продуктов, обмундирования и других вещей первой необходимости. Меня, как здорового мужика, назначили охранять склад и заведовать им. Иногда я на повозке ездил в город пополнять запасы всякими нужными вещами.

В это злополучное утро запряг я свою кобылу и в хорошем настроении направился в Люблин. Моя Гордия лениво двигалась неспешным шагом по ровной укатанной дороге. Начиналась жара. Я развалился на повозке, уставился в голубое бездонное небо и стал вспоминать мою малую родину, моих родителей, мою желанную Зиночку, друзей и любимую

деревню. Эти приятные картины сморили меня и вызвали сладкую дремоту.

Вдруг лёгкая тряска прекратилась и повозка остановилась. Подняв голову, я увидел крупного человека, держащего мою Гордию под уздцы. Почуввав что-то неладное, хотел схватить винтовку, но её не оказалось на месте. Тут же ощутил прикосновение холодного дула к моему виску. Сильные парни заломили мне руки за спину, связали, запрыгнули на телегу и погнали мою лошадаёнку в галоп. Свернув на лесную дорогу, мы помчались в сторону Вислы. И тут я услышал немецкую речь моих захватчиков. Мне стало всё ясно: германцы взяли «языка» и везут в своё распоряжение. На берегу реки вытащили из камышей небольшого залива лодку и собрались меня затолкать в неё. Мелькнула мысль: «Смертный час пришёл». И такая досада овладела мной, что я всех растолкал и хотел броситься в воду, но моментально получил прикладом по затылку и упал без сознания.

Очнулся уже на другом берегу от холодной воды, окатившей мою голову. Повели меня на место своей дислокации четыре фрица. Один шёл впереди, двое по бокам держа в руках наганы. Сзади шёл четвёртый с моей винтовкой и штыком постоянно тыкал меня в спину. Было больно, и я чувствовал, как кровь струйками стекает вниз.

Когда мы шли по окопам, меня поразила там антисанитария: на брустверах лежали смердящие трупы, вокруг которых кружились мухи, местами попадались грязные лужи

и крысы вокруг них, которые не боялись людей, окопы были узкие, тесные, солдаты имели измученный вид. Я думал ужасное состояние только в наших траншеях, оказалось здесь ещё хуже.

Наконец, мы зашли в блиндаж. За столом сидели германские офицеры. Один из сопровождающих меня разведчиков вытянулся в струнку и стал, видимо, докладывать о проведённой операции. Толстый усатый немец стал меня о чём-то спрашивать. Я ничего не понимал и только пожимал плечами. Позвали переводчика, который спросил меня, сколько человек находится на русском фронте. Я стал объяснять, что я заведую складом, но тут же получил удар в ухо и свалился со стула. Немец стал что-то орать и саданул меня сапогом в бок. Переводчик сказал: «Нет у вас никаких складов. Говори правду». Меня вновь усадили на табуретку. Посыпались вопросы о расположении, о планах нападения и прочие. Я только качал головой и получал крепкие удары по морде. Вконец усталый фриц, глядя на моё окровавленное лицо и поняв, что от меня ничего не добьёшься, велел меня расстрелять.

Поручили это солдату, который повёл меня к реке. Винтовку он держал на изготовке позади меня метрах в пяти. Когда мы шли вдоль берега, раздался выстрел, я вздрогнул и съёжился. Пробежал холодок по спине, мелькнула мысль: «Конец», но ожидаемой боли не почувствовал. Оглянулся. Рядом с ним стояла с клюшкой госпожа Война. Из рта, в котором торчала сигарка, шёл белый дымок, как из дула ору-

дия после выстрела. Солдат, держа меня на «мушке», вдруг кивнул в сторону реки.

Слома голову я бросился в воду. Руки были связаны, и пришлось плыть на спине. Издали я услышал второй выстрел имитирующий расстрел. Меня всё время тянуло вглубь, но вскоре верёвки намокли, и мне удалось выдернуть одну руку вместе с исцарапанной кожей.

Навстречу гибели

...Когда я докладывал в блиндаже о случившемся подпоручику Ниловичу Михаилу Трофимовичу, он обнял меня, прижал к груди и прошептал: «Я представляю, сколько ты пережил. Это страшно». Эти слова тронули меня до глубины души. После всего пережитого я обмяк и не смог сдержать слёз. Трофимыч по-отечески ещё сильнее прижал меня, похлопал слегка по спине и снова прошептал: «Ну, всё успокойся, успокойся...».

На следующий день он дал мне в подмогу молодого солдата и перед строем объявил о моём мужественном (как он выразился) поступке и повесил на мою грудь Георгиевскую медаль первой степени. «Служу Царю и Отечеству», – отчеканил я, испытывая неописуемую радость.

Строить планы на будущее на войне, говорят, плохая примета, поэтому, чтобы успокоить родных, писал письма домой я только о хорошей жизни здесь. О нашей встрече после

войны не писал ни слова. Упоминал вскользь о некоторых прошлых боях. На самом деле каждый бой намного уменьшал боевой начальный дух. Особенно при потере фронтовых друзей.

Поначалу я сильно переживал, до слёз, о погибшем товарище. Потом стал успокаивать себя, рассуждая о том, в каком состоянии находится умерший: у него ничего не болит, нет никаких проблем, переживаний, чувств боязни, совести, стыда. Душа живёт другой жизнью. Ему хорошо, а мы плачем, зачем? Потом понял: мы жалеем, что теряем общение с ним и больше не увидим его, не услышим.

С того времени, когда я был в плену, прошло немало столкновений с австро-венгерской и с германо-австрийской армиями. За храбрость в этих сражениях получил ещё три Георгиевские медали: второй, третей и четвёртой степеней.

В одном из весенних боёв подпоручик Нилович повёл нас в наступление на врага. Вдохновлённые нашим офицером, с криком «Ура!», мы бросились в атаку. Не пройдя и двадцати метров, он получил тяжёлое ранение, потерял сознание и рухнул на землю. Многие солдаты в растерянности остановились. Враг воспользовался этим и перешёл в контрнаступление. Наши бойцы снова бросились в свои окопы и стали усиленно отстреливаться. Австрийцы с большими потерями отошли и спрятались в своих норах.

Наши солдаты уважали подпоручика Ниловича за добрые отношения к нашему брату и звали его меж собой Батей. Те-

перь надо было доставить его в нашу траншею. Все переглядывались, но никто не хотел поймать неприятельскую пулю. Вспомнив его сердечную встречу со мной после плена и обдумав свои действия, я решил доставить подпоручика.

Моросил холодный дождь, землю покрывала весенняя слякоть, которая играла на руку моей задумке. Своим товарищам я велел прикрывать меня. Взял длинную верёвку и пополз навстречу своей гибели. Было страшно, но надежда вселяла шанс на удачу. Прикрывающие меня товарищи стреляли по австрийцам, которые вылезали на бруствер с винтовкой, чтобы подстрелить меня.

Итак, я подполз к подпоручику, проверил пульс (сердце работало), привязал к ногам верёвку и быстро вернулся назад. Я и ещё двое стрелков взялись за неё и стали тянуть на себя. Вдруг, как нам показалось, она оборвалась, и мы отлетели к другой стене окопа. Я с досадой стал выбирать верёвку и на конце её появились ... сапоги подпоручика. Было смешно и обидно. Нилович, хоть и был без сапог, но уже гораздо ближе. Я взял шинель, привязал к воротнику верёвку и снова пополз выручать беднягу. С той стороны уже не стреляли. По-моему, они разрешили мне довести дело до конца. Перевалив подпоручика на шинель, я вернулся назад, и опять мы стали тянуть верёвку и снова она ослабла, потому что шинель выскользнула из-под Бати, который был уже совсем близко.

Австрийцы уже без винтовок высунулись из окопов и на-

блюдали за происходящим. Тогда я решил действовать открыто: встал, подошёл к Ниловичу, поднял его на руки и понёс к своим. Со стороны противника слышались какие-то крики и аплодисменты, которые означали восхищение твёрдостью и смекалкой русского солдата.

Подпоручика срочно отправили в лазарет. За спасение офицера меня наградили Георгиевским крестом первой степени. После излечения Нилович снова вернулся к нам. Мы с ним подружились, как кровные братья. Он не раз благодарил меня за избавление от гибели.

Ампутация

Рассказчик свернул сигарку и прикурил. В полной тишине кто-то спросил:

— А как же нога?

Григорий ухмыльнулся и поведал удивительное избавление от смерти:

— Я сам не могу поверить счастливому случаю и благодарю Бога за чудесное спасение. А вышло вот что: вражеская пуля влетела прямо в моё левое калено и разнесла все мои тамошние косточки. Тут же появилась такая адская боль, что я рухнул на землю без сознания. Сколько я провалялся — не знаю, очнулся от того, что почувствовал удары в грудь. Мгновение спустя понял, что это комья земли летят сверху и бьют по моему телу. Сразу возникла страшная догадка: меня хоро-

нят. Что было силы, я заорал. Получилось, как мне рассказывали могильщики, еле слышно. Но один из них с трудом расслышал стон, остановил работу и полез в яму.

Так я оказался в лазарете. Доктор сказал, что в месте ранения появилась гангрена и, если её не остановить, будет смертельный исход. «Единственный выход, – сказал он, – ампутация, но решать тебе». Я попробовал уговорить его вылечить гангрену, но он только качал головой и повторял: «Невозможно. Мне очень жаль, но другого способа нет». Пришлось мне согласиться на ампутацию.

Первое время я не мог свыкнуться с несчастным своим положением. Переживал, что все от меня, от калеки, отвернутся, Зинуля бросит такого мужа. По ночам не мог заснуть, в голове крутились панические мысли. Не буду рассказывать о слёзных тяжёлых часах, которые не покидали меня по ночам. И что удивительно, в это самое время начинала болеть несуществующая пятка. Когда моя рана зажила, я стал на костылях прогуливаться по больничному скверу.

Однажды, когда была тёплая погода, и на душе было радостно от того, что остался жив, я присел на лавку и немного задремал. Сквозь сон услышал женский голос:

– Спишь, солдат?

Вздрогнул, открыл глаза и увидел, рядом сидящую госпожу Войну. Не зная, что сказать, ляпнул:

– А ты откуда здесь?

– Да вот, хочу, чтобы боль моей пятки перешла к тебе. У

тебя ведь пятки нет, значит, и тебе будет хорошо, и мне.

— К сожалению, иногда болит она у меня, особенно по ночам.

Попыхивая сигаркой, она вполне серьёзно ответила:

— Это мнимая боль, и она скоро пройдёт. Ты обязан мне помочь, помнишь, когда тебя вели на расстрел, я стояла рядом с австрийцем?

— Помню, конечно, разве такое забудешь.

— Ну так вот, это я его уговорила отпустить тебя.

Госпожа, не прощаясь, встала и, прихрамывая, опираясь на клюшку, тихо пошла по аллее. Я в недоумении долго смотрел ей вслед, но вскоре потерял из вида. Вглядываясь вдаль, чтобы найти её фигуру, вдруг на мгновение высоко в небе увидел её зловещую улыбку с жёлтыми прокуренными зубами. Дремоту мою, как рукой сняло. И чтобы убедиться, что я не сплю, ущипнул себя и почувствовал боль. Я встал и быстро поковылял в свою палату. Через два дня меня выписали. И вот я здесь.

Наступила тишина. Односельчане молча смотрели на Григория. И вдруг все разом заговорили и стали поздравлять с чудесным избавлением. Плотник пообещал сделать хороший протез. Самогон уже не прятали. Радостная беседа продолжилась до вечера, и, когда на небе засияли синие звёздочки, стали мало-помалу расходиться.

Жизнь Григория в родной деревне с прежней семьёй после фронтовых невзгод стала, как ему казалось, безоблачной.

Работать по-прежнему с одной ногой он не мог, благо сын повзрослел и стал надёжным помощником.

Как-то в воскресенье направились Дымовы на рынок в Болкошино. После всех покупок на выходе они увидели пожилого мужчину, который продавал маленького кутёнка. Павел подошёл и погладил малыша, а тот радостно взвизгнул и лизнул его руку.

Уж очень понравился он Павлу. Григорий, видя довольную улыбку сына, решил сделать ему подарок, да и Зинаида была рада за нового питомца. Паша представил, как он будет гулять с взрослой собакой на зависть Маришке.

Дома он, почему-то без раздумий, дал кличку щенку «Бон». Через год собака выросла и оказалась девочкой. Пришлось называть её Бони. Ещё через год у Бони появились щенки.

Грустный плач

В это военное лихолетье в Рыково часто приходили сообщения о гибели односельчан. В одно время после погребения погибшего воина Мариша зашла на могилку родного дяди и стала приводить в порядок надгробие, стол, лавку, землю. Закончила уборку, когда уже все разошлись. Она закрыла калитку и направилась к выходу.

У ворот на лавочке сидел мальчик в белой рубаше и черных шортиках на подтяжках. Голова его была опущена, и он

тихо всхлипывал, при этом плечи чуть вздрагивали. Мариша села рядом и спросила:

– О чем ты плачешь, мальчик?

Но он молчал, вздыхал и отворачивался. Мариша сочувственно, с болью в голосе, спросила:

– Может быть тебе чем-нибудь помочь?

Мальчик поднял голову и повернулся к ней. На неё смотрел глубокий старик. Морщинки покрывали всё его серое лицо.

– Ты мне ничем не поможешь, – рыдая, сказал он, – я умер.

Встал и медленно пошёл вглубь кладбища. Долго ещё слышался его грустный плач. В конце аллеи появился туман, в котором страдалец исчез.

Мариша какое-то время не могла сдвинуться с места. Страх сковал всё её тело. Но как только силы вернулись, её как ветром сдуло с места. Как она оказалась в комнате, – не помнила. В доме никого не было. Она буквально грохнулась перед иконой и долго молилась о чём-то непонятном, только часто повторяла: «Господи... Господи...» и целовала свой крестик.

Весь день она не могла успокоиться. Решила никому не говорить о произошедшем. Боялась, что её сочтут, как тронутую умом.

Но желание услышать объяснение случившемуся подвигло её рассказать всё соседу Павлу Дымову. «Он, по-моему, умеет хранить тайну», – подумала она. Но смущение оставляло её, поэтому долго не могла решиться.

В тот день, когда друзья шли из магазина с покупками, небо было затянуто жидкими тучами в виде густого тумана. Солнце стояло где-то в вышине, и его тусклый свет, без лучей, не грел землю своим благодатным теплом.

Мариша, наконец, отбросив все сомнения, остановила Павла и взяла с него обещание сохранить услышанную сейчас тайну. Он почувствовал в её голосе тревожное волнение, достал из котомки библию, опустил на неё руку и сказал (он видел фотографию в газете, на которой свидетели в суде клялись говорить правду, положив руку на библию):

– Клянусь, что никому не скажу.

Видя такое усердие, Мариша чуть заметно улыбнулась, и, немного помолчав, начала свой жуткий рассказ. Выслушав, Павел задумался, а потом уточнил:

– А не привиделось ли это тебе?

– Не веришь, но я с ним рядом сидела.

– Верю, верю, – снова размышляя, пробормотал он. Потом тронул Маришу за плечо и поинтересовался: – А ты тень от него видела?

– Нет, вроде не видела.

– Так, вроде или точно?

– А почему ты это спрашиваешь?

– Я читал рассказы о приведениях, в одном из них сказано, что приведение не имеет тень.

Мариша испуганно посмотрела на соседа.

– По правде сказать, я на это и внимания не обратила.

Павел, немного поразмыслив, предложил:

– А лучше всего сходи на исповедь и расскажи всё батюшке – он всё объяснит.

– Правильно, правильно, Паша, и как я до этого не додумалась. Спасибо за хороший совет. Завтра же схожу в церковь. Надеюсь, своё обещание сдержишь?

– Не сомневайся, буду нем, как рыба.

Ночью Марише не спалось. Она всё думала, как расскажет свой мистический случай, а вдруг это будет богохульством, и священник прогонит её. Неоднократно повторяя про себя историю, которую она будет рассказывать батюшке, поймала себя на мысли, что это не исповедь. Ведь на исповеди происходит отпущение грехов! А здесь нужна простая беседа. Проворочалась с боку на бок до утра и проснулась только в полдень. Встала, сделала все обычные утренние процедуры и направилась в церковь с надеждой на удачу. Выйдя на улицу, почувствовала медовый запах от цветущих тёмно-зелёных лип.

Народу в церкви почти не было. Мариша подошла к лавочнице.

– Скажите, пожалуйста, как можно задать вопрос батюш-

ке?

– Сейчас он свободный, подойди к нему, сложи руки на груди, поклонись и попроси благословения, а получив его, поцелуй его руку. Потом спроси: «Батюшка, могу я задать вам вопрос?» Конечно, он разрешит, дальше разговаривай кратко и внятно.

– Спасибо, матушка, – при этих словах лавочница улыбнулась, а Мариша поклонилась и направилась к священнику.

Выполнив церковный обычай, она рассказала свою странную историю. Он ненадолго задумался и спросил:

– А ты на могиле у дяди помолилась?

– Нет.

– Перед кладбищем надо обязательно перекреститься трижды и помолиться: «Господи, упокой души усопших здесь лежащих, прости им все прегрешения, Аминь». Молитва за усопших – это милосердие. Перед могильным крестом снова надо перекреститься и сказать: «Господи, упокой душу усопшего. Аминь». Потом надо прибрать место упокоения и сказать на прощание: «Покойся с миром».

После этого батюшка снова задумался и недоумённо добавил:

– Да, впервые мне пришлось на такой вопрос отвечать.

Положил руку на голову Мариши.

– Что такое реинкарнация знаешь?

– Нет.

– Это переселение душ.

Посмотрел на Маришу и медленно произнёс:

– Ты не обижала при жизни своего дядю?

– Нет, что вы, я его очень любила.

– Значит это его дух или твоё воображение. В следующий раз, когда будешь на кладбище, зайди к нему и попроси прощения, ведь то, что ты не помолилась, и есть обида.

– Спасибо, батюшка, я так и сделаю.

Успокоенная Мариша ещё долго стояла и крестилась перед храмом, а потом радостная побежала домой.

После этого случая она поубавила свой задор, стала более кроткой и чаще ходить в церковь. Особенно ей нравилось подолгу слушать церковное пение. Ангельские голоса пробуждали в ней безмятежность и блаженство. Библия стала у неё постоянной настольной книгой.

С тех пор прошло немало времени, и вот однажды, проходя мимо дома Дымовых, Мариша увидела в окне того мальчика с лицом старика. Он смотрел на неё и приветливо махал рукой. Это видение вызвало у неё страшный испуг, она отвернулась и быстро прошла мимо. Но тут же в её сознании мелькнуло подозрение на обман. Она вернулась и тихо открыла не запертую дверь в дом.

У окна на полу сидел Павел и двигал руку чучела мальчика, искусно одетого в белую рубаху. Мариша схватила веник, который стоял у печки и, забыв свои церковные принципы, стала хлестать издевателя, приговаривая всякие нехорошие слова. Пашка старался увернуться, постоянно оправдываясь:

– Я хотел пошутить, это шутка...

Но Мариша колотила его до тех пор, пока от веника ничего не осталось.

– Ты же меня чуть глупой не сделал, шутник бестолковый.

– Извини, не подумал, – почёсывая голову, пролепетал Павел, – я думал, что ты посмеёшься над моей шуткой.

– Ты же обещал молчать!

– Честное слово, я никому не говорил.

– Когда делал чучело, родители, поди, видели?

– Нет, они уехали в Болкашино за отцовскими льготами.

– Сейчас же уничтожь чучело, чтобы не было и следов.

– Не волнуйся, всё сделаю!

На следующий день, когда приехали родители Павла, Зинаида затеяла уборку, но веника не оказалось на месте. После недолгого поиска спросила сына:

– Не найду веник, ты не видел?

– Я его выкинул, потому что его изодрали кутята нашей овчарки Бони. В сенях справа я положил веник из можжевельника, который сделал вместо старого.

– Кстати, – Зинаида многозначительно взглянула на сына, – подари кутёнка Марише. Она, думаю, будет рада.

Для Павла такая идея была удачным вариантом для сближения с нравившейся ему соседкой. Павел уже не был толстым мальчишкой, а приобрёл коренастую поджарую высокого роста фигуру. Он выбрал самого красивого щенка, чёрного с белой меткой на груди, и отправился к Марише. Она

в это время работала в огороде.

– Я принёс тебе Цыгана, – сказал Павел, вынимая из пазухи чёрного щенка.

Мариша нежно взяла на руки кутёнка, поцеловала и сказала:

– Прелесть. Спасибо, Павлик. Теперь у меня будет надёжный друг и защитник.

– Теперь у тебя два друга и два защитника!

– Значит спасибо вдвойне!

Кража питомца

После этого случая между ними установились хорошие приятельские отношения. Цыгану был отведён уголок в Маришиной комнате, в котором она постелила старую отцовскую куртку и поставила блюдечко с молоком. В родительской библиотеке нашла книжку «Дрессировка служебных собак» и стала изучать её. В ней она прочла, что питомцу надо давать команды из одного слова и поощрять при их выполнении. Рассуждения собака не понимает. Из разговора уясняет только тон: ласковый или сердитый. Цыган оказался очень сообразительным щенком и, когда подрос, стал понимать команды «Лапу», «Рядом», «Апорт» и другие. Но и без проблем было не обойтись. Он начал грызть обувь, рвать оконные шторы и всё, что попадалось на пути. Алексей сделал ему будку, поставил её во дворе и велел дочери поселить

собаку в ней.

Мариша одела своему питомцу мягкий ошейник и привязала верёвкой к будке (цепь для него была тяжеловата). Цыган забастовал. В будку не заходил, лежал рядом и ничего не ел. Мариша пыталась гулять с ним по улице, но он упрямылся и не хотел идти. Так продолжалось с неделю, но постепенно Цыган начал привыкать к новым условиям. В будку хозяйка положила немного сена для запаха, на него постелила ту же куртку и разбросала там мясные мослы.

Лидия (мама Мариши) тоже выгуливала Цыгана, особенно по утрам, когда отправляла корову Мусю в проходящее стадо. Однажды, придя из школы, Мариша обнаружила, что её любимец исчез, только на будке висел кусок отрезанной верёвки. Мариша тут же стала опрашивать родителей, сестру и даже Павла, но никто ничего не видел. «Если верёвка обрезана, – рассуждала она, – значит, Цыгана увели, ведь он такой доверчивый». Погоревала Мариша, погоревала и решила обдумать план его поиска. Но утром следующего дня она вдруг услышала знакомый, негромкий лай – это Цыган звал её. Выбежав во двор, увидела его с перекусанной верёвкой у шеи. «Убежал, страдалец мой», – приговаривала Мариша, поглаживая свою радость.

Примерно через неделю случилось то, чего никто не ожидал: Цыгана снова увели. На другой день к Марише, когда она шла из школы, подъехал верхом на коне незнакомый мужчина и спросил:

– Как зовут вашу собаку?

– Зачем вам? – ответила она вопросом на вопрос.

– Она ни на какие клички не отзывается и ничего не ест.

Мы вам заплатим.

– Если вы не вернёте нам её, мы вызовем милицию и тюрьмы вам не избежать – пригрозила Мариша.

Наездник сразу пришпорил коня и ускакал. Придя домой, она рассказала матери о странной встрече.

– А как он выглядел? – спросила та.

– Кепка надвинута на глаза, серая рубаха, чёрные штаны и сапоги. Рост наездника не определишь.

– Хорошо, что не сказала кличку собаки. Я полагаю, что он пробрался к нам во двор через огород, когда дома никого не было. Надо обратиться за помощью к участковому начальнику.

Но этого делать не пришлось. Пришёл Павел, и поинтересоваться, нашёлся ли Цыган.

– Нет, – печально сообщила Мариша, – кто-то ночью залез к нам во двор, похоже, через огород, обрезал верёвку, которой привязывали Цыгана, и увёл его.

– Наверное, подкормил, – задумчиво пробубнил Павел.

Потом прошёлся по комнате, что-то обдумывая. Встал и спросил:

– Ну и что же вы собираетесь делать?

Маришина мама уверенно сообщила:

– В милицию надо заявить.

– Сначала надо попробовать найти Цыгана, – посоветовал Павел.

– Но как?

– Надо идти по деревне и постоянно звать его. Твой голос Цыган знает, – обратился он к Марише. – Так мы узнаем, из какого дома доносится лай.

Она неохотно согласилась.

– Только идти надо немедленно, пока его не увели.

– Правильно, Павлик, – согласилась мама, – идите сейчас же.

Долго они ходили по деревне, крича Цыгана, и только часа через два услышали знакомый лай и жалостливый вой.

Деревня Рыково разделялась на четыре слободы: Тужилровку, Чубаровку, Барановку и Деревню, которые разбросаны друг от друга по берегам речки Большой Чембар. Поэтому, кто жил в том доме, откуда доносился слабый лай Цыгана, друзья не знали.

– Давай зайдём. Я быстро разберусь с этим бандитом.

– Нет! Так мы сами окажемся бандитами. Пошли быстрее к отцу, он знает все законы и скажет, что надо делать.

Вернувшись домой, они рассказали Алексею о своей находке. Он прихватил ружье, и все направились выручать своего друга.

По дороге Маришин отец сказал:

– Останавливаться в том месте не будем. Сначала узнаем у людей, кто там живёт.

Пройдя мимо подозреваемого дома, увидели сидящую на завалинке соседку.

– Добрый день, – кивнул Алексей. – Мы ищем свою собаку. Её лай доносился из этого дома. – Он указал на него. – Вы не скажете, кто там живёт?

– Она уже, которую ночь там воет, спать не даёт. А живёт там пастух. Он только что прошёл домой.

– Большое спасибо, вы нам очень помогли, – поблагодарил Алексей и слегка поклонился.

Войдя на крыльцо подозреваемого дома, Алексей постучал в дверь. Долго ждать не пришлось, вышел невысокий знакомый Марише наездник.

– Наша овчарка у вас, немедленно верните, – строго произнёс Алексей.

– Нет у меня вашей собаки, с чего вы взяли?

– Цыган! – громко крикнула Мариша.

Тут же раздался знакомый лай и печальное завывание.

– Это моя собака, – сказал пастух.

– Выпусти её, и посмотрим, к кому она подбежит, иначе разговор будет по-другому и в другом месте.

Алексей дотронулся до ремня ружья, которое висело на плече. Видя вооружённого человека и рядом с ним крепкого парня, пастух стал оправдываться:

– Она мне нужна в помощь при выпасе стада. Я вам за неё заплачу.

– Эту отдай, а купи себе другую.

– У меня было много собак, но эта очень умная.

– Цыган у нас от овчарки Дымова Григория. Подойдёшь к нему и выберешь нужного щенка. А эту верни немедленно!

Пастух нехотя пошёл отвязывать похищенную собаку и, как только Цыган освободился от противной привязи, сразу побежал к Марише. Встал на задние лапы, передние положил ей на плечи и начал лизать лицо. При этом он радостно повизгивал и весело вилял хвостом. Пастух что-то хотел сказать, но Цыган так зарычал на него, что тот поспешно закрыл дверь.

Мариша была на седьмом небе от возвращения хорошего друга в свой дом! Она стала лучше ухаживать за ним и приучать не даваться в руки чужим людям.

Признание

В природе происходит множество метаморфоз, взять хотя бы появление красивой бабочки из простой куколки. Такая перемена состоялась с Маришей по окончании школы – озорная девчонка стала очаровательной грациозной девушкой. Павел часто, глядя ей вслед, мечтал завладеть её сердцем. Теперь детская симпатия переросла в любовь. Хулиганские выходки ушли в прошлое и в поведении его появились ухаживание, заискивание и вежливость. Провожая её, куда бы она ни шла, старался заводить разговор на тему близкую ей, изображая интересного собеседника. Но Мариша чув-

ствовала фальшь и слегка улыбалась, не выдавая своей догадки.

Зимой Павел часто приглашал Маришу покататься с ледяной горки, которая шла от основания Крутуши, спускалась с левого берега речки и заканчивалась на правом берегу. Для рыковской молодёжи это было основным зимним развлечением.

Павел перед горкой ложился на живот и приглашал Маришу забраться на его спину. Поначалу она отказывалась – было страшно, но ухажёр, раз от раза настойчивее просил сделать это, и однажды девушка согласилась. Мариша испытала неописуемое чувство полёта, которое приводило её в восторг. Теперь данный способ стал постоянным и не подлежал обсуждению. Всё происходило молча, а когда, после весёлого развлечения, шли домой, их раскрасневшиеся лица выражали несказанную радость и морозный день казался не таким уж унылым.

Однажды под вечер, не доходя до дома, Павел остановил Маришу и решил признаться ей в своих чувствах. Но с чего начать, и как об этом сказать, он не представлял. Мариша долго смотрела на него удивлённым взглядом. Наконец, он начал говорить какие-то несуразные фразы, переминаясь при этом с ноги на ногу:

– Мне кажется... вернее поставить точку... мы давнишние друзья.

Марише стало смешно и, чтобы успокоить взволнованно-

го соседа, она тронула его локоть, посмотрела в его добрые глаза, улыбнулась и ласково произнесла:

– Говори яснее, не юли, я тебя внимательно слушаю.

Павел опустил глаза, собрался с мыслями и смущённо сказал:

– Мы с тобой давно дружим и пора, мне кажется, переходить на более серьёзные отношения.

– И что ты предлагаешь?

Парень снова смутился, но обстоятельно ответил:

– Ты мне очень нравишься, более того, мне кажется, я люблю тебя и предлагаю сыграть свадьбу. Вот, – выдохнул он и стал ждать ответ.

Мариша, чуть обдумав свои слова, чтобы не обидеть юношу, тихо произнесла:

– А ты спросил меня, люблю ли я?

– Надеюсь.

– В таком ответственном вопросе это чувство должно быть обоюдным. Правильно?

– Очень даже справедливо.

– Любовь человеку посылают небеса, – продолжила она и перекрестилась, – и сердце воспринимает её как великую благодать. Моё сердце сейчас молчит.

Я чувствую, что в тебе говорит привычка, которую ты принимаешь за любовь. Ведь мы знаем друг друга более пятнадцати лет! Придёт и к тебе любовь. Ощутишь ты её всем сердцем и душой и никуда от неё не денешься, даже если захочешь. – Мариша положила руку на его плечо и, глядя в глаза Павла, предложила: – Давай останемся друзьями. И ес-

ли разлука войдёт в нашу жизнь, мне будет очень не хватать тебя, поверь мне – это откровенно.

Павел кивнул в знак согласия и, поникнув головой, с затаённой печалью направился домой. Чтобы успокоиться, стал рассуждать: «Идёт война – это горе не сравнимое с моим. Гибнут отцы, мужья, братья. Эта беда гуляет по всей России».

Новое знакомство

Много воды утекло с тех пор в речке Чембар, и всё это время Павла не покидала надежда подобрать ключик к сердцу Мариши. С мечтой стать её мужем он ложился спать и просыпался. Его ухаживание за ней продолжалось не так рьяно, но настойчиво.

Бойкий характер Мариши ушёл в прошлое. Она стала активнее участвовать в церковном богослужении, которое повысило её духовный уровень. В жизни она старалась равняться на Христа, и в душу ей запали слова апостола Павла: «Любовь не ищет своего». Мариша стала простой спокойной девушкой.

Её мама – Лидия – много раз слышала её ангельский голосок и в одно прекрасное время предложила ей попробовать себя в церковном хоре.

– Что ты, мама, – запротестовала дочь, – там профессиональные певцы. Кто же меня возьмёт?

Но в одно прекрасное время, почти силком повела она дочку на службу настоятеля. После богослужения они подошли к нему, и Лидия спросила, как можно попасть дочери в церковный хор. Батюшка сначала расспросил Маришу о частоте посещения служб, о знаниях молитв и прочее. Затем попросил напеть что-нибудь в полголоса.

Мариша тихо пропела русскую народную песенку:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит.
То моё, моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

– Вполне, вполне, – туманно выразился настоятель. – Зайдите к регенту. Он сейчас не занят.

Руководитель церковного хора провёл с Маришей ту же процедуру, что и настоятель, и предложил записаться на курсы пения при храме. Мариша с радостью согласилась. С тех пор она брала ноты песнопения домой и разучивала их, изумляя всех красотой голоса и знанием музыкальных церковных произведений.

Хоть и стала Мариша воцерковленным человеком, то есть тесно связанным с церковью и её заповедями, но сердце девушки не потеряло обычные, природой заложенные, человеческие радости. Она по-прежнему ходила на любимую полянку у подножия Крутуши и наслаждалась красотой окру-

жающей природы. И ничто не предвещало уготовленной драмы.

Но однажды на своей поляне она увидела парня, который сидел на земле и морщился от боли, растирая ногу ниже колена. Мариша, подойдя, спросила, что случилось.

– Змея укусила, – сквозь зубы простонал молодой человек и поднял штанину.

На ноге, выше щиколотки, виднелись две красные точки, из которых подтекала кровь, размазанная по ноге штаниной.

– Надо бы чем-нибудь перевязать рану, – посоветовала Мариша.

Парень тут же снял рубаху, которую мускулистыми загорелыми руками разодрал и попросил девушку перевязать ногу. Закончив перевязку, Мариша спросила:

– Вы можете идти?

– Нет, наверно, – пытаясь подняться и морщась от боли, буркнул парень, – очень больно.

– Я сейчас пригоню повозку, – крикнула Мариша и побежала домой.

Минут через десять она уже помогала парню забраться на телегу и прилечь на душистое сено.

– Лихо вы гоняете, любому парню на зависть, – польстил страдалец девушке.

Марише было приятно услышать похвалу от симпатичного молодого человека.

– Держись, – крикнула она и, размахивая концами

вожжей, помчалась к бабе Матрёне.

Когда они подъехали к дому знахарки, парень спросил:

– Как тебя зовут, добрая фея?

– Мариша.

– А меня Антон. Куда ты меня привезла?

– К лекарке-травнице.

– Не надо, отвези меня домой.

– Сначала пусть она посмотрит, потом отвезу.

Делать нечего, пришлось парню опереться на плечо Мариши и идти к лекарке. Вышедшей бабе Матрёне она сказала, что парня укусила змея. Его усадили на стул, а под ногу поставили табуретку. Знахарка осмотрела рану, выдавила кровь, смазала марганцовкой и забинтовала. Потом дала парню кружку какого-то настоя из трав и велела всё выпить.

– Должно всё пройти, – заверила она, – но если будет сильно болеть, езжай в Болкашино к врачу.

– Спасибо, – кисло произнёс Антон и снова похромал к повозке.

В эту минуту баба Матрёна шепнула Марише:

– Назад поедешь, заверни ко мне.

– Ага, – кивнула она и поспешила усаживать нового знакомого на высокую телегу.

Теперь уже неторопливо, тронулись в путь. У моста Антон попросил остановиться.

– Дальше я сам дойду, тут недалеко. Не хочу расстраивать маманю. Спасибо тебе, красавица, за помощь.

– Пожалуйста, – разворачивая повозку, смущённо вздохнула Мариша.

Вернувшись к бабе Матрёне, она с любопытством посмотрела на неё.

– Не хочу тебя расстраивать, – ответила на удивлённый взгляд бабушка, – но укуса змеи не было.

Мариша с удивлением уставилась на знахарку, ожидая пояснения.

– Отёка нет, пузырей нет, слабости нет, одно притворство. Я часто бываю в том месте, нет там никаких змей. Моё дело предупредить, а решать тебе.

– Спасибо, – огорчённо прошептала Мариша, – я подумаю.

Дома она долго не могла прийти в себя. Сопоставляла все факты, но так и не нашла ответа. «Неужели это обман? – думала она, – но зачем?» В церковной жизни не сталкивалась она с ложью. Так и не придя ни к какому результату, решила дожидаться дальнейших событий.

Через пару дней, выходя из церкви, Мариша встретила Антона.

– Добрый день, ангел мой, – радостно произнёс он, и протянул ей цветок красной розы.

– Спасибо, – улыбнулась Мариша. – Только я не ангел, а простая девушка.

– Голос у тебя ангельский, значит ты ангел, помимо того, очень добрый.

– Стараюсь по мере возможности, – уклончиво ответила Мариша, и щёки её непроизвольно зардели.

С тех пор встречаться они стали чаще. При виде Антона Мариша расплывалась в радостной приветливой улыбке. Антон оказался обаятельным и внимательным мужчиной. Дарил ей недорогие, но красивые подарки. Рассказывал с юмором интересные истории. Сказал, что работает на ипподроме города Арзамас и содержит там скакунов. Приехал на отдых к матери и заодно хотел познакомиться с Алексеем Петровичем Вишняковым, известным коневодом, для обмена опытом. И только недавно выяснил, что Мариша его дочь.

Все эти дружелюбные отношения растопили сердце скромной девушки, и она почувствовала, что он ей всё больше и больше нравится. Но охлаждали её возникшие пылкие чувства слова бабы Марфы: «... укуса змеи не было». Наверное, она ошиблась, стараясь успокоить себя, рассуждала Мариша.

Как-то при очередной встрече Антон пришёл с синяком под глазом. Мариша заметила, что синяк был тщательно замазан каким-то светло-коричневым кремом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.